

Морские кони и морские короли

Морские кони и морские короли Вольфганг Акунов

Отважны люди стран полнощных,

Велик их Один бог, угрюмо море.

Ария Варяжского гостя.

Вперед, вперед, люди Христа, люди Креста,

люди конунга!

Боевой клич гридей норвежского конунга Олава Святого.

В переводе на русский язык слово «викинги» означает «люди заливов» (от их излюбленной тактики устраивать неприятельским кораблям засады в заливах) или, по другому толкованию, «люди битвы, «рубачи», «воители».

«Эпоха викингов» началась 8 июня 793 года по Р.Х... В этот день к островку Линдисфарне у восточного побережья Шотландии причалили ладьи необычной постройки

— с высоко задранными носом, украшенным грозно ощеренной драконьей головой, и кормой, под большими алыми парусами. Всего через мгновение монахи местного монастыря, вышедшие встретить незваных гостей, очутились в адском пекле. Сошедшие на берег вооруженные до зубов свирепые белокурые исполины в железных шлемах, с длинными копьями, кроваво-красными щитами, мечами и секирами, с ужасным, львиным рыком ринулись на штурм монастыря. Охваченные священным боевым неистовством, они выли по-волчьи и ревели по-медвежьи, визжали по-кабаньи, свирепо скалились, дико вращали глазами и грызли в бешенстве собственные щиты. Своими грозными секирами заморские пришельцы разнесли в щепы ворота монастыря и вмиг разграбили церковное имущество, тщательно обшарив все углы. Всех, кто пытался оказать им сопротивление, русые гиганты убивали на месте или же, под громкий хохот, выгоняли на берег и топили в море, не забыв при этом сорвать с них одежду, столь ценную в «полночных странах» Северной Европы.

В мгновение ока, белокурые и рыжие пришельцы, забив захваченный монастырский скот, побросали туши на свои драконоголовые корабли и вместе с добычей бесследно исчезли в морской дали.

Здесь мы, с позволения уважаемых читателей, на миг прервем нить нашего повествования, чтобы сделать немаловажную оговорку. Разумеется, среди норманнов и, в частности, викингов, попадались не только «белокурые бестии» и «Эйрики Рыжие», но и «Гальвданы Черные», а, попросту говоря — брюнеты. Представления о «нордических людях» («истинных арийцах») как о сплошь белокурых, голубоглазых и длинноголовых гигантах появились в чисто умозрительных представлениях кабинетных теоретиков-«ариософов» XIX века, от которых расовые идеологи гитлеровского национал-социализма позаимствовали эти представления скорее по инерции, чем по глубокому внутреннему убеждению. Не случайно сам Адольф Гитлер — ярко выраженный брюнет круглоголового (брахокефального) альпийского типа (хотя и голубоглазый) абсолютно не соответствовал разработанным ариософскими теоретиками критериям «нордического» или арийского человека, а вот многие финны или эстонцы, язык которых не имел с индогерманской семьей ничего общего — соответствовали. Впрочем, в дальнейшем мы еще коснемся этой темы, пока же продолжим прерванную нить повествования нашей нордической саги.

С нападения неведомых дотоле морских разбойников на остров Линдисфарне, повергнувшего в ужас весь тогдашний европейский мир, началась столь кровавая для Ойкумены эпоха завоеваний викингов. Набег на Линдисфарнский монастырь был лишь началом и прелюдией к набегам северных пиратов на цивилизованные страны тогдашнего мира.

Более пятисот лет держали мир за горло эти «рыцари открытого моря», для которых корабль был тем же, чем конь — для «кентавров» Аттилы, Горки Булги и Чингисхана. Не случайно в поэтических висах — героических песнях, сложенных дружинными певцами-скальдами, для описания корабля использовалось поэтическое сравнение («кеннинг») «морской конь»! Свои разбойничьи походы викинги начинали от далеких фьордов исхлестанного штормами, изобилующего коварными рифами Норвежского побережья. Причем морские набегы норманнов почти всегда были на редкость результативными.

Каким великолепным было, вероятно, зрелище ладей викингов, взлетающих на белопенные волны, напоминавшие серебристую гриву Слейпнира — восьминогого скакуна «Отца богов» — одноглазого Одина, на чьем копье держится весь мир! Над резными драконьими головами форштевней с острыми зубами и высунутыми языками трепетали раздуваемые ветром алые купола могучих парусов. На бортах, словно шляпки гигантских гвоздей, сверкали алые, подвешенные вплотную друг к другу щиты. Как, должно быть, ликовали друзья, увидев издали приближающийся могучий флот викингов, и как, должно быть, дрожали в бессильном гневе их насмерть перепуганные недруги! Устрашающий эффект наверняка усугублялся разверстыми драконьими пастьми, драконоподобными очертаниями самих кораблей и их вызывающе яркой, кричащей раскраской.

Судя по знаменитому «гобелену из Байё», запечатлевшему одну из самых выдающихся военно-морских операций раннего Средневековья — переправу и высадку в Англии герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя в Англию в 1066 году — почти каждая доска обшивки норманнских кораблей были выкрашены другим цветом. Не менее резкими цветовыми контрастами отличались окраска парусов и щитов. Но щиты норманнов были ярко окрашены лишь с внешней стороны, а с внутренней стороны всегда были белыми. Если щиты были повернуты внутренней стороной наружу, это означало, что норманны приближаются с мирными намерениями (что, впрочем, случалось весьма нечасто, да и то не раз использовалось как коварная уловка — «нордическая хитрость», по любимому выражению Адольфа Гитлера).

Вильгельм Завоеватель был прямым потомком предводителя викингов Рольфа (Хрольфа или Хрольва) — основателя Нормандского герцогства в устье реки Секваны (Сены), на территории (Западно-) Франкского королевства (нынешней Франции). Отчаявшись от постоянных неудач в борьбе с «северными людьми», франкский король Карл Простоватый (видимо, и впрямь не страдавший избытком ума), заключил с Рольфом мир, выдал за него свою дочь принцессу Гизелу и передал вождю викингов во владение королевские земли на побережье Ла-Манша (которыми Рольф фактически уже и без того владел, без всякой королевской грамоты, завоевав их собственным «копьем кровавым и мечом звенящим», по выражению знаменитого скальда-викинга Эгиля Скаллагримссона). Со своей стороны, Рольф принял христианство, признал себя вассалом короля Карла и

уже на «законных основаниях» вступил во владение завоеванной областью, получившей с тех пор название Нормандии — по захватившим и заселившим ее норманнам. Как писал наш замечательный поэт граф А.К. Толстой в своей «Песни о походе Владимира на Корсунь»:

И шлет в Византию послов ко двору:
— Цари Константин да Василий!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то вас обоих дружиной припру,
Так вступим в родство без насилий!

Вообще, история норманна Рольфа очень напоминает историю потомка викингов (осевших уже не на франкской, а на славянской земле) князя стольно-киевского Володимера Красное Солнышко из рода Рюрика Ютландского, или, как его именовали дружинники-варяги — «конунга Вальдемара»).

Что делать с Владимиром? Вынь да
положь! Креститься хочу да жениться!
Не лезть же царям, в самом деле, на
нож? Пожали плечами и молвят: — Ну,
что ж! Приходится ехать, сестрица!
Мы знаем, что Владимир, как и Рольф, добился своего:
Свершился в соборе крещенья обряд, Свершился
обряд обвенчанья, Идет со княгиней Владимир назад,

Вдоль улиц старинных да светлых палат,
Кругом их толпы ликования.

В 1066 году от Рождества Христова потомок Рольфа (в крещении — Роллона или Ролло) — Вильгельм Завоеватель — завладел и Англией. С тех пор норманнские львы (сохранившиеся и в гербе Нормандского герцогства — нынешней французской провинции Нормандии) — вошли в английский герб. Эти три золотых льва на красном поле норманнского щита указывали на происхождение Вильгельма Завоевателя от Роллона — родича древних датских конунгов.

Датские короли также имели в гербе трех львов, перекочевавших со временем и на герб основанного датскими крестоносцами в земле язычников-эстов города Ревеля, или, как называли его эсты, «Датского града» (эст.: Линданисе, или Таани Линна — нынешней столицы Эстонии — Таллинна), а с него и на герб независимой Эстонской республики. Тем не менее, три золотых льва на червленом поле стали, после завоевания Англии норманнами Вильгельма, считаться, в первую очередь, английскими.

Собственно говоря, морские рейды норманнских викингов на Англию начались гораздо раньше. Еще в 794 году по Р.Х. «северные люди» напали на монастыри Ярроу и Вермут на восточном побережье Англии. В 795 году викингами был разграблен монастырь Святого Коломбы на острове Иона. Действуя по принципу: «Бей и беги!», они налетали внезапно, наносили удар и столь же мгновенно исчезали с добычей. В 797 году норманны опустошили остров Мэн с древним монастырем, посвященным Святому Патрику — покровителю Ирландии. В 800 году, известном как год коронации франкского короля

Карла Великого в Риме из рук Папы короной Императора Запада (то есть восстановленной Западной Римской империи), викинги завладели Фарёрскими островами. Как писал один франкский монах-современник, очевидно, не чуждый античной образованности: «Эти дикие звери идут по полям и холмам... жгут, грабят и опустошают все — жестокие орды, беспощадные когорты и смертоносные фаланги».

По всему христианскому миру в церквях молились: «Избави нас, Господи, от ярости норманнов». Впрочем, справедливости ради следует заметить, что история повторяется. Не столь уж далекие предки этих истово молящихся в храмах, насмерть перепуганных норманнскими викингами крещеных франков и бургундов, лангобардов, готов, англов, саксов и ютов всего пару столетий тому назад сами наводили ужас на римлян и греков, точно так же возносивших в церквях молитвы тому же Богу, умоляя спасти их от ярости германских варваров!

По непостижимой иронии судьбы, всего через пару столетий после окончания «эры викингов» потомки этих самых викингов, крещеные датчане, до смерти перепуганные морским разбоем новых вышедших на историческую сцену пиратов — прибалтийского племени куршей-куронов (давших название Курляндии-Курземе), в свою очередь будут истово молиться у престола Всевышнего о том же самом: «От куршей избави нас, милостивый Господи Боже!». В-общем, как писал граф А. К. Толстой в своем поморском сказании «Боривой»:

И епископ с клирной силой,
На коленях в церкви стоя,
Молит: — Боже, нас
помилуй, Защити от Боривоя!

Поначалу жертвы нападений викингов знали о нападавших лишь то, что те, переправившись через море, пришли с далекого Севера, из страны, «где, утомившись, заканчивается свет», как писал в те времена один высокоученый книжник. Поэтому-то смелых и жестоких язычников прозвали «норманнами», или «северными людьми». В дальние заморские походы, на разбой и грабеж, в торговые экспедиции или в наемники-варяги к правителям других стран, а также на поиски новых земель для поселения отправлялись, прежде всего, самые смелые и сильные из северных германцев. Именно этих «людей длинной воли» соотечественники называли «викингами», от слова «вик» (залив), ибо, как мы уже знаем, излюбленной тактикой северных морских разбойников были засады на неприятельские корабли в заливах.

«Неведомой» для линдисфарнских монахов, англосаксонских и франкских летописцев земель был Скандинавский полуостров («остров Скандза» или «Готискандза» греко-римско-готских хронистов) и полуостров Ютландия (откуда был родом первый русский князь Рюрик) — земли, на которых сегодня расположены такие мирные и буржуазно-благополучные королевства Швеция, Норвегия и Дания. На их суровых побережьях, во фьордах и на островах, в тяжелых природных условиях, в далеко отстоявших друг от друга селениях, а чаще — в укрепленных крестьянских хуторах-усадебках («гардах» — слово, весьма напоминающее наше русское слово «град») — вели изнурительную, каждодневную борьбу за выживание свободные северогерманские общинники («бонды») — рыбаки, охотники, землепашцы и скотоводы. Их суровый мир всецело

принадлежал мужчинам. Глава рода обладал неограниченной властью над младшими мужчинами, женщинами, детьми и рабами («треллами»).

Норманны — общие предки всех «нордических» народов, то есть современных шведов, датчан, норвежцев и исландцев (языки которых и ныне весьма сходны) — общались между собой практически на одном и том же наречии, условно именуемом «древненорвежским», «старонорвежским» («древнесеверным») языком (norrøen), особенное сходство с которым сохранил современный исландский язык. По свидетельствам современников, норманны, вследствие большого сходства языков, могли свободно общаться на своем языке также с англосаксами.

Главной целью всякого норманна была власть. Необходимо было не только захватить ее, но и сохранить, каждодневно доказывая свое право на власть. Всякое проявление слабости считалось среди норманнов позором, а трусость — преступлением. На этих воззрениях «северные люди» воспитывали свою молодежь. Ни собственная, ни, тем более, чужая жизнь не имели в глазах «нордического человека» большой ценности. Знаком особой милости богов считалось счастье погибнуть в бою с мечом в руке, призывая имя «Всеотца» Одина (Вотана) и его братьев Вили и Ве, как подобает доблестному мужу. А вот мирно скончаться в собственной постели, «как корова в хлеву», «соломенной смертью», почиталось величайшим позором. Славные мужи, павшие с оружием в руках на поле боя, в сопровождении прекрасных и божественных воительниц — валькирий отправлялись прямиком в небесный чертог «Альфатера» Одина — Вальяскьяльву или Вальгаллу (Валгаллу) пировать и веселиться. Умершие же жалкой и позорной «соломенной смертью» отправлялись в унылый мрак царства мертвых — Гелль.

В этой связи нельзя не согласиться с мыслью, совершенно справедливо высказанной современным отечественным историософом А. Макеевым, согласно которой нордические культы были «способны привлекать к себе людей особого типа — образно говоря, «типа викинга», воина. Дополним сказанное словами современного исследователя А. Хлевова, позаимствовав их из его весьма ценной работы «Феномен северной дружины»: «Состояние войны — привычное и естественное состояние общества эпохи средних веков. Вооруженный человек, безусловно, находился в центре «линий напряжения» той эпохи, являя собой единственную реальную силу. Критерий оценки вооруженных сил может быть только один — эффективность. И по этому решающему показателю войска викингов остаются для своей эпохи если не недостижимым, то все же образцом: ни Европа, ни Азия не смогли создать альтернативных воинских формирований, способных положить конец деятельности северных отрядов или устойчиво удерживать инициативу в своих руках. Движение викингов не было остановлено — оно прекратилось само (курсив наш — В.А.) в силу, прежде всего, внутренних причин».

По мнению А. Хлевова, причина описанной сверхэффективности северных дружин лежала, прежде всего, «в области духа, в исповедуемой ими религии». Он подчеркивает ключевое значение «дружинной идеологии с собственными критериями поведения и кодексом чести, со специфическим культом (повышенная популярность в среде викингов Одина и Тора, своеобразное и уникальное представление о посмертном воздаянии для избранных воинов в форме «казарменного рая» Вальгаллы).

Со временем у северных германцев сложилось нечто похожее на сословия: «ярлы» (благородные, знатные люди), «карлы» (свободные мужчины-воины) и «треллы» (рабы). Но до установления подлинного сословного общества, с четкими и почти непреодолимыми рамками между сословиями, было еще далеко.

Все важнейшие вопросы решало народное собрание — «тинг» (у континентальных германцев — «динг»). На тинг сходились все свободные мужи, непременно с оружием, в первую очередь — с копьями и щитами. Копье (атрибут верховного бога Одина-Вотана, охранявшего своим копьем все договоры) считалось главным оружием всякого вольного германца. Не существовало у норманнов (в отличие, например, от древних кельтов) и особого священнического сословия («профессионального» жречества). Обязанности жрецов («годи») выполняли, как бы «по совместительству», представители светской родоплеменной знати, являвшиеся, прежде всего, воинами (как, впрочем, и всякий свободный мужчина).

О существовании у древних (и, в частности, северных) германцев жреческой касты «арманов», якобы передававших свои священнические функции по наследству, исторически подтвержденных сведений не сохранилось (вопреки утверждениям австро-немецкого «народнического» философа конца XIX-начала XX веков Г(в)идо фон Листа).

Что же гнало норманнов в открытое море? Что превращало оседлых «бондов» в лихих викингов, почитавших «чужую головушку — полушкой, да и свою шейку — копейкой»?

Во-первых, суровая Скандинавия с ее скалистыми горами, занимающими большую часть территории, бедными, неплодородными почвами и нехваткой пригодной для обработки

земли, с определенного момента, в результате демографического взрыва, оказалась не в состоянии прокормить всех обитавших на ней людей.

Во-вторых, рассказы бывалых мореходов о богатствах монастырей, церквей и городов по ту сторону моря манили туда все новых искателей добычи и славы, готовых покинуть родные скалы и самим попытаться счастья.

В-третьих, могли сыграть роль известия о жестоких методах христианизации северо-западных германцев-саксов (континентальных предков англо-саксонского населения Британии и современных немецких саксонцев) королем франков и императором Священной Римской Империи Карлом Великим.

Франкские войска Карла обращали саксонских язычников в христианство огнем и мечом, тысячами истребляя военнопленных, сжигая нивы и селения, переселяя саксов целыми племенами в глубь «Галлии» (Франкского королевства) и беспощадно казня заложников (в историю вошла, в частности, настоящая резня, устроенная по приказу Карла Великого саксонским пленникам под Верденом, когда в один день было обезглавлено более 3000 человек).

По приказу Карла Великого был повержен священный идол саксов — «Ирминсульт» («столп Ирмина» — легендарного прародителя западногерманских племен — «ирминонов»), а среди собравшихся в святилище Ирмина молящихся была учинена кровавая бойня.

Между тем, языческий культ являлся общим для всех тогдашних германцев, сохранивших веру в древних богов — «асатру», в том числе и для северных германцев-«норманнов». Не исключено, что весть об уничтожении Ирминсуля (ассоциируемого некоторыми исследователями германских древностей с символическим изображением Мирового Древа — священного ясеня Иггдрассиля, почитаемого всеми германскими племенами) достигла Скандинавии, вызвав среди норманнов ярость и желание отомстить за осквернение общегерманского святилища. И не случайно первый удар северных мстителей оказался нанесенным именно по Линдисфарнскому монастырю, откуда отправлялись на христианизацию северных язычников христианские миссионеры, по пятам которых следовали воины королей, принявших Крест и, вместе со старой верой, уничтожавших древние германские вольности (да и в дальнейшем викинги особенно неистовствовали, разоряя христианские монастыри и храмы Европы).

В-четвертых, в Скандинавии со временем начала медленно, но верно укрепляться власть королей («конунгов»), стремившихся подчинить себе не только свободных «бондов» («карлов»), но и местную знать — «герсиров» (родоплеменных вождей) и «ярлов» (знатных предводителей дружин). Между тем, каждый из них, имевший хотя бы небольшую дружину — «гирд» у норвежцев, или «грид» у шведов (это обозначение гребной дружины аналогично по значению древнерусскому «гридь»; производное от которой — «гридница» — означало пиршественную палату, в которой веселился князь-конунг со своими гридями-дружинниками) и хотя бы один корабль, сам почитал себя «королем» (хотя бы и «морским») и при первой же возможности стремился избежать подчинения «королю сухопутному».

В-пятых, вероятнее всего, в дело вступил «фактор пассионарности», говоря словами покойного Льва Гумилева, властно звавший за собой «людей длинной воли».

Уже давно и хорошо знакомые с морем, ветрами и непогодой, норманны, быстро снискавшие себе славу лучших мореходов подлунного мира, еще до начала собственно «эпохи викингов», в VII веке по Р.Х., научились строить свои знаменитые быстроходные ладьи, столетием позже прозванные жителями парализованной страхом Европы «морскими драконами». Сами викинги именовали их просто «драконами» («драккарами»), и именно для усиления сходства со сказочным чудовищем украшали носы своих «длинных кораблей» искусно вырезанными из дерева драконьими головами.

Все «драккары» викингов приводились в движение сидевшими на веслах гребцами-дружинниками (гирдманами, гридями) и управлялись с помощью кормила (штира, или штюра) — большого рулевого весла, расположенного с правой стороны. Кормчий, или рулевой (штурман, штюрман, стирман, стюрман — от этого происходит наше русское слово «штурман») правил «драккаром», повернувшись спиной к левому борту. В 1880 году такой «драккар» был найден при раскопках норманнского могильного кургана в Гокстаде, на южном побережье Норвегии.

Эта узкая, длинная, с малой осадкой ладья имела в длину 23,8 м в ширину 5,25 м и в высоту 1,75 м, косо срезанный киль, высокие борта из прочных дубовых досок, 32 вытесанных из сосны весла (длиной 5,5 м, с лопастями шириной 12 см), грациозные нос (форштевень) с драконьей головой и корму (ахтерштевень). Ладья приводилась в движение 16 парами гребцов, защищенных от вражеских стрел и метательных копий круглыми или каплевидными щитами, закрепленными на бортах с внешней стороны (кроме того, за счет прикрепленных к бортам щитов викингов во время плавания повышалась высота бортов), а при попутном ветре — один прямой широкий прямоугольный парус (площадью около 70 квадратных метров), чаще всего алого цвета. Гребных «банок» (скамей для гребцов) не было, и каждый викинг-гирдман сидел на своем «сундуке мертвеца» (выражаясь словами героев бессмертного пиратского романа «Остров сокровищ» кумира нашей юности Роберта Льюиса Стивенсона!) припасенном для пожитков и добычи. Мачта ставилась в укрепленный на киле дубовый степс (при необходимости ее убирали и шли на веслах). Когда «драккар» норманнов, рассекая пенные морские волны, шел под своим огромным алым парусом, отверстия для весел задраивались. При особенно сильном волнении в море и в дождь викинги натягивали над головами полотно, поскольку палуб «драккары» викингов не имели. На мачте викинги обычно поднимали значок или флаг с изображением ворона Одина, служивший им знаменем в боях на море и на суше (нередко флаг на мачте заменялся металлическим

флюгером, обычно с изображением того же ворона, указывавшим заодно направление ветра).

Как писал граф А.К. Толстой в уже цитировавшейся нами «Песни о походе Владимира на Корсунь»:

Готовы струги, паруса подняты,
Плывут к Херсонесу варяги;
Поморье, где южные рдеют цветы,
Червленые вскоре покрыли щиты
И с русскими вранами стяги.

Спустя 13 лет после этой находки по образцу «гокстадской ладьи» был построен точно такой же «драккар», мореходные качества которого были незамедлительно опробованы на просторах Атлантики. Даже в самых неблагоприятных погодных условиях «морской дракон» летел над гребнями волн легко и плавно, как птица. При попутном ветре ладья викингов была способна развить под парусом скорость до 9,3 морских миль (17,2 км) в час. Расстояние от Бергена в Норвегии до Ньюфаундленда — места первого поселения норманнов в Америке (4800 км) «морской дракон» проделал всего за 27 дней. Такой «драккар» легко мог взять на борт 70 человек, 400 кг оружия, 2500 кг провианта и полтонны других грузов. В те времена упадка кораблестроения (даже в Византийской империи — наследнице высокоразвитой греко-римской цивилизации Античности!) никто, кроме викингов, не умел строить такие корабли.

Жизнь викингов была связана с кораблем настолько тесно, что их предводители — «морские короли» — приказывали даже хоронить себя в своих «драккарах». После смерти отважного мореплавателя его «морского коня» вытягивали на берег, укладывали в него покойника со всеми почестями — вместе с оружием и важнейшей утварью — после чего опускали корабль-саркофаг в глубокую могилу, закладывая ее сверху каменным сводом. Впрочем, существовал и другой обычай, согласно которому корабль с покойником поджигали и выпускали в море на волю волн.

Наряду с «длинными (боевыми) кораблями», у викингов имелись и транспортные суда — так называемые «змеи» («шнеки»), использовавшиеся для перевозки переселенцев в новые земли — на Фарёрские и Оркнейские острова, в Ирландию, Англию, Исландию, Гренландию, Америку (Винландию), реже — в континентальную Европу.

Как писал тот же граф А.К. Толстой в своей «Песни о Гаральде и Ярославне»:

Цветами его корабли обвиты, От
сеч отдыхают варяги, Червленые
берег покрыли щиты И с
черными вранами стяги.

Возвращавшиеся «к родным скалам» из морских походов викинги своими захватывающими рассказами о богатых заморских землях и наглядными доказательствами истинности рассказанного в виде добычи увлекали за море все новые полчища соплеменников. Вскоре флотилии их кораблей появились у берегов Европы под предводительством «морских королей» — таких, как Бьёрн Железнобокий — избранных

викингами за личное мужество и опытность в военном деле. В 839 году один из них, норвежец Торгейс, провозгласил себя «королем всех иноземцев в Ирландии».

Из года в год викинги продолжали совершать набеги на восточное побережье Англии. В 839 году целых 350 «морских драконов» вошли в устье Темзы. Викинги захватили Лондон и разграбили епископскую резиденцию Кентербери. Знаменитый викинг Рагнар по прозвищу Кожаные Штаны сделался королем Шотландии.

Обшарив вдоль и поперек атлантическое побережье Европы, викинги пустились вверх по большим рекам, предав огню города по рекам Сене, Сомме и Гаронне, Аахен, Кельн, Трир, Майнц, Вормс, Бинген и Ксантен (легендарную родину героя «Песни о Нибелунгах» — Зигфрида Погубителя Дракона). Туда, где выныривала из морских волн хищно оскаленная драконья голова, приходила большая беда. Один из франкских летописцев-современников писал: «Сам Бог послал этих одержимых из-за моря, чтобы наказать франков за грехи», и добавлял: «В морях они ищут себе пропитание: ведь они суть обитатели моря!»...

Захватив Аахен, откуда еще не так давно правил своей Западной империей Карл Великий, викинги разграбили императорский дворец и превратили императорскую часовню в конюшню. Так они отомстили франкам за Ирминсульт! Восточным франкам удалось изгнать их лишь в 891 году, при короле Людовике (Людвиге) Немцеком, прославленного за эту победу в героической песни «Людвигслид».

Лишь тот достоин именоваться морским королем, кто никогда не спал под закопченным потолком и никогда не осушал свой рог с медом у домашнего очага. Так говорит «Круг земной» (Геймскрингла) — классическое произведение исландской литературы, сочинение скальда Снорри Стурлуссона — об этих полных неиссякаемой энергии людях моря, начавших в эпоху распада родовых отношений на свой страх и риск вести войны, вторгаться с побережья в чужие страны и завладевать заморскими землями. Среди многочисленных трофеев викингов можно было найти и выломанный замок от городских ворот Парижа, и колокол Сен-Жерменского аббатства. Впрочем, таким же манером знаменитые «Корсунские врата» попали в Хольмгард-Новгород — вотчину потомков славного викинга Рюрика.

Вступая в бой с безумною отвагой, пренебрегая ранами и опасностью, бросались они на врага, порой без шлемов и щитов, не страшась грозящей гибели, ибо знали, что павших в бою валькирии умчат на крылатых конях в чертоги Одина.

Зубастые драконьи головы с высунутыми языками беспрестанно появлялись не только у берегов Альбиона. Неукротимое морское племя одолело на своих «драккарах» и грозный Бискайский залив, и Гибралтар, и Средиземное море, оставив за собой кровавые следы и на Сицилии, и в Леванте. Маршруты других морских набегов викингов вели в Балтийское и Белое моря. В то время как норвежские викинги (собственно норманны) избрали своей главной мишенью земли западных и восточных франков (соответственно, будущих французов, голландцев, бельгийцев и немцев), а датские викинги (дань) — в основном Англию, шведские викинги- варяги проникли по большим рекам далеко вглубь Руси, добрались до Черного моря, перемежая нападения на византийские города со службой цареградским Императорам в качестве наемных воинов. Эти азартные морские кочевники, окружившие свою плавающую родину — корабль с драконьей головой — поистине сверхчеловеческой любовью, оставили многочисленные рунические надписи не только на берегах Малой Азии и Северной Африки, но и на восточном побережье Америки.

Но викинги не только грабили, но, как всякие пираты, торговали награбленным. И в этой связи необходимо подчеркнуть, что становление древнерусской государственности происходило именно на путях «из варяг в греки» (как и «из варяг в арабы»), характеризующихся высочайшей степенью межэтнических и межкультурных контактов. Именно торговые пути явились стержнем, вокруг которого сложилось Древнерусское государство, причем главную роль в этой торговле играли (согласно «Повести временных лет») именно скандинавские викинги («варяги-находники из заморья»). Не случайно «варяжский» период русской истории совпадает по времени с «эпохой викингов» в Европе (879-1066).

Варяги, обладавшие современным оружием, сочетавшим скандинавские традиции с достижениями «Римской» (а на деле — франкской) империи Каролингов и высокую транспортную культуру (их «драккары», как уже говорилось выше, в данную эпоху не знали себе равных) прорывались к сакральным и материальным ценностям Византии и

арабского Востока (чего стоят одни только лихие морские налеты на Царьград, Севилью, Берда 'а!), вовлекая по пути в этот процесс славянские и финно-угорские группировки. И очень скоро, путем социально-этнического взаимодействия, через взаимопроникновение разных уровней духовной и материальной культуры, скандинавские воины-купцы слились с частью родоплеменной славяно-балто-угрофинской знати, дав начало возникновению нового этносоциума под названием «русь» — широкого надплеменного (хотя, на первых порах, и характеризующегося очевидным преобладанием норманнского элемента) дружинно-торгового общественного слоя, сплотившегося вокруг князя-конунга и образующего его гридь-дружину, войско, звенья раннефеодального аппарата власти, заселившего города «Русской земли» безотносительно к племенной принадлежности и защищенного княжеской «Русской правдой» («Правдой росьской»).

В своих дерзких по замыслу и молниеносных по воплощению в жизнь разведывательных походах в нелюдимые полярные моря к берегам Новой Земли, Шпицбергена, Гренландии, в Баффинов и в бурный Бискайский залив викинги шли неукротимо — сквозь штормы, плавающие льды, мрак, туман и лютый холод, не имея ни компаса, ни других, даже простейших мореходных инструментов, хорошо известных мореплавателям позднейших времен. Днем им указывало путь Солнце, ночью — Полярная звезда (которую сами викинги именовали «Путеводной»). Впрочем, согласно новейшим исследованиям, викинги якобы ориентировались в пасмурную погоду с помощью кусочков магнитной руды. Кто знает?

Но свойственные всем норманнам «нетерпенье и тяга к перемене мест», необузданный нрав, нежелание повиноваться и обостренное чувство чести, выливавшееся в драчливость — все это чаще всего мешало «сынам Севера» закрепить свои завоевания. Виной тому были также беспрестанные распри и раздоры, когда брат то и дело обнажал меч на брата. Так, к примеру, поселения викингов в Гренландии оказались опустошенными вовсе не вследствие успешных нападений эскимосов («скрелингов»), а из-за междоусобиц. Впрочем, в целом ряде случаев (в Нормандии, Англии, Ирландии, Шотландии, Южной Италии, Сицилии и на Руси) «морским королям» удалось сделаться феодальными властителями над коренным населением, веру, язык и культуру которого они, впрочем, очень быстро перенимали.

Как писал о норманнской экспансии в своем фундаментальном философском труде «Формирование человека» ректор Гейдельбергского университета — оберштурмбаннфюрер СС доктор Эрнст Крик — один из ведущих антропологов Германии 20-40-х годов прошлого века:

«Викинг — тип первобытного воина из свободных крестьян, выделившийся в результате свободного развития расовых инстинктов. Избыток сил нашел разрядку в героическую эпоху викингов с VIII по XI века. Переселения народов похожи на извержения вулканов, но переселения северных германцев во многих отношениях уникальны. Это был взрыв первобытного субъективизма, не имеющий себе подобных. Эти крестьянские сыновья отправлялись в поход небольшими группами, вольными союзами, и каждый считал себя завоевателем мира на свой страх и риск. Они заселили северные страны вплоть до Гренландии, охватили Европу с четырех сторон, создали стабильные государства в России, Исландии, Франции, Англии и Италии. Их посылало не государство; наоборот, у себя на родине они бежали от сильной власти, например, норвежского короля Гаральда Прекрасноволосого, но, в конечном счете, сами основывали государства. И, несмотря на это, героическая эпоха викингов являет собой картину бессмысленной растраты сил благородной крови...

Норманнам не хватало внешних естественных рамок и внутренних связей, задатки для образования великих империй были, но все упиралось в отдельную личность, со смертью которой каждый опять становился сам по себе».

Как совершенно правильно указывал современный российский медиевист-скандинавист А. Е. Мусин, реальным местом образования «руси» стал район «Старой Ладogi, как зоны контактов славян и скандинавов в контексте финноугорского субстрата ». И лишь к началу XII века название «русь» утратило свое значение социального термина, окончательно растворившись, как слой, в массе восточного славянства и оставив ему свое название и самосознание, что и ознаменовало сложение древнерусской народности (аналогично тому , как потомки норманнов Роллона и Вильгельма Завоевателя примерно к этому же времени окончательно растворились в среде франко-бретонского населения , войдя вместе с ним, под именем «нормандцев» в состав складывающейся французской нации).

Как писал Эрнст Крик в «Формировании человека»:

«Когда северный субъективизм нашел в христианстве средство самоопределения, а короли в церковной организации — средство образования государства, сила экспансии была исчерпана, и Север снова оказался в изоляции. Северные германцы были во всем противоположны римлянам: Рим воспитывал надежную государственность, методично расширял свои владения, подчинил Я государству; норманны же были гениальными дикарями, в своих завоеваниях они не следовали никакому плану и произвольно оставляли завоеванные позиции, стремились к личной славе, власти и добыче. Норманны растворялись в завоеванных народах: через несколько столетий они романизировались ими русифицировались».

Хотя даже с принятием христианства нравы варягов изменились далеко не сразу (они и веру в Единого Бога проповедовали даже среди соплеменников не столько кротким Евангельским словом, сколько мечом, копьем и топором — не зря атрибутом Крестителя Норвегии конунга Олава Святого стала, наряду с Честным Животворящим Крестом, боевая секира!), общество неумолимо изменялось, и в нем все меньше места оставалось для викингов и их безумно храбрых «морских королей». И постепенно «морские драконы» с ярко раскрашенными бортами, увенчанными блестящими щитами, с алыми парусами и с угрожающе скалящими пасти, грозно приподнятыми над волнами драконьими головами, перестали бороздить седые волны моря. А ворон Одина на мачтах кораблей уступил место иным эмблемам.

Здесь конец и Богу нашему слава!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Норвежск.: Fram, fram, Kristmenn, korsmenn, kongamenn.

2. Шлемы исторических викингов были круглой или, чаще, конической формы (совершенно правильно ассоциирующей в наших представлениях со «шлемом древнерусского воина»). Крылатые шлемы норманнов (как и германцев вообще, да,

похоже, и кельтов — пусть простят нас великодушно авторы «Астерикса и Обеликса»!) суть плод воображения романтически настроенных поэтов и художников XVIII–XIX веков). Что же касается шлемов с рогами, то норманны пользовались ими исключительно в ходе религиозных церемоний и в торжественных случаях (подобно тому, как их потомки — средневековые рыцари — никогда не надевали в бой свои парадные и турнирные шлемы, от крыльев, рогов и прочих пышных нашлемных украшений — «клеянодов» — которых ничего бы не осталось в первом же всамделишном бою, в котором — в отличие от проводившихся по строгим правилам турниров! — противники разили друг друга куда попало, а не только по предписанным турнирным кодексом местам)!

3. Древненорвежск.: «одр» (odr — священный экстаз-ярость-бешенство-неистовство (корень «одр» связан с именем Одина); немецк.: «вут» (Wut) или «вуот» (Wuot) — слово, имеющее аналогичное значение (и входящее в имя Вуотана-Вотана, соответствующего скандинавскому Одину).

4. Некоторые викинги воображали, что в бою превращаются в волков, и потому именовались «ульфгединами» (Ulfhednar) или «варульвами» — «людьми-волками», соответствовавшими немецким «вервольфам» (из «вер» — «муж, человек», ср. лат.: «вир» — «муж», и «вольф» — «волк») и славянским «волкодлакам» (волколакам, вурдалакам); другие — что в бою превращаются в медведей, и потому именовались «берсерками» (Berserkr) — «людьми-медведями». Впрочем, значение слова «берсерк» толкуется двояко — либо как «медвежья шкура», либо как «(воин) без шкуры», поскольку многие «берсерки» в ярости кидались в сечу без доспехов и даже без рубах, обнаженными по пояс. Как говорится в «Саге об Инглингах», берсерки «шли (в бой — В.А.) без кольчуг и иных доспехов», «грызли края своих щитов» и «были сильны, как медведь или вепрь (дикий кабан — В.А.)». Берсерки «убивали людей, но ни огонь, ни железо не могли причинить им вреда». Согласно другим сагам, 12 берсерков — сыновей конунга Кнута (Канута) — даже плавали на особой ладье, отдельно от других викингов, дабы в ярости боя не поубивать «под горячую руку» их вместе с неприятелями. Были среди викингов и воины, воображавшие себя дикими вепрями («люди-кабаны», Svinfylkingar), часто носившие шлемы с изображением кабаньей головы на гребне и сражавшиеся в особом боевом построении, называвшимся «свинфюлькинг» («кабанья голова») и имевшим форму клина, на острие которого находились два самых опытных и сильных викинга, именовавшихся «рылом» («рани»). Кстати, в форме «кабаньей головы» было выстроено и датско-немецко-эстонское войско под предводительством ливонских рыцарей в «Ледовом побоище» 1242 года («великая свинья» русских летописцев, так и писавших: «Немцы же и чюдь пробишася свинею сквозь полкы»). Помните, уважаемые читатели, незабвенную книгу нашего детства — сочинение Натальи Кончаловской «Наша древняя столица»: «Назывался этот строй головой кабаньей... Отвалилось от хребта все кабанье рыло...» и т. д.?

5. Крылатое выражение немецкого философа и поэта Фридриха Ницше.

6. Исландский викинг, открывший Гренландию, отец первооткрывателя Америки (Винландии, Винланда) Лейфа (Лейва) Эйриксона Счастливого.

7. Вопреки широко распространенному, но оттого не менее ошибочному мнению, глаза у Адольфа Гитлера (в отличие от «великого диктатора» Аденоида Хинкеля в исполнении Чарльза Спенсера Чаплина), были не темные, а голубые.

8. Ойкуменой (экуменой) античные греки и римляне именовали обитаемую часть «круга земного». От этого — Экуменические (Вселенские) соборы Христианской церкви (лат.: *Consilium oecumense*), экуменическое движение, направленное на объединение церквей (ересь экуменизма), и т. д.

9. Горка Булга — предводитель кочевников-угров (венгров, мадьяр), побежденных римско-германским императором Оттоном I Великим, сражавшимся под хоругвью, осененной образом Архистратига Небесных Воинств Святого Михаила Архангела, в битве на реке Лех близ Аугсбурга в 955 году; после битвы на Лехе Горка Булга, оказавшийся христианином греко-православного обряда (!), да еще получившим от константинопольского василевса (императора) сан патрикия (патриция) Римской (Византийской) империи (!!!), был казнен вместе с самыми знатными венграми, повторив судьбу хана-кагана других кочевников — авар (обров, жужаней), разбитых при сходных обстоятельствах столетием раньше Карлом Великим, франкским королем и восстановителем (Западной) Римской империи.

10. В отличие от саг — героических сказаний, являющихся не стихотворными, а прозаическими произведениями и, несмотря на изрядную долю художественного вымысла, считавшихся самими норманнами повествованием о подлинных событиях. Поэтому путать саги с висами не стоит.

11. По своим функциям норманнские скальды соответствовали древнегерманским скопам, кельтским бардам, славянским боянам, древнегреческим аэдам и рапсодам.

12. На четырех ногах восьминогий Слейпнир скакал в посюстороннем, а на других четырех — в потустороннем мире.

13. Древки копий делались преимущественно из ясеня (причем не только у норманнов и прочих германцев, но, к примеру, и у древних греков — вспомним хотя бы «пелионский ясень» — смертоносное копьё непобедимого белокурого и голубоглазого — ну, чистый ариец! — героя Ахиллеса). Название «Мирового древа» нордической мифологии,

пронизывающего все три мира (мир богов-асов Асгард, «срединный» мир людей — Мидгард и «подземный», или потусторонний мир — «Утгард») ясеня — «Игдрассиль» — означает буквально Копье Игга (Игг — одно из прозвищ Одина). В действительности картина мира древних северных германцев была, естественно, сложнее, включая в себя, кроме Асгарда — мира асов-азов (пришедших якобы из Азии-Азии, по некоторым сказаниям — с Кавказа) и тех богов более раннего происхождения — ванов — что живут вместе с асами —, Мидгарда и Утгарда, также: Гель (Хель) — царство мертвых и сил вселенского разрушения; Льосальфгейм — мир дружественных людям белых (светлых) альвов-эльфов (полубогов и обожествленных духов предков); Свартальфгейм — мир черных альвов-эльфов (они же цверги-дверги-гномы-карлики, часто враждебные людям); Ванагейм (мир тех ванов, что остались враждебными асам); Ётунгейм (мир великанов-исполинов — первобытных сил слепого Хаоса); Муспельгейм (сфера космического Жара и Пламени, обиталище Властелина Огня — Черного Сурта, который в день Гибели Богов — Рагнарёк — сожжет своим огнем весь мир) и Нифльгейм (сфера космического Тумана и Льда). Именно из этих двух последних космических полярностей вещества-энергии зародилась Вселенная.

14. Нем.: Nordische List.

15. Вильгьяльм (Vilhjalm; так он именуется в скандинавских сагах).

16. Древненорвежск.: Hrolf; согласно одним источникам, Рольф был норвежцем, согласно другим — даном (датчанином).

17. По-древнерусски имя киевского князя произносилось именно «Володимер» (по аналогии с другими именами древнегерманского происхождения, писавшимися и озвучивавшимися по-разному, напр.: Теодемер-Теодемар, Сигимер-Сигимар, Кнодомер-Кнодомар и т. д.), а не в церковнославянском (фактически — сербо-болгарском) варианте «Владимир», «Тиудемир»; так же как «ворог» (а не «враг»), «шелом» (а не «шлем»), «ворон» (а не «вран»), «город» (а не «град»), «порох» (а не «прах») и т. д.

18. Так, главный герой «Саги об Олаве (Олафе, Олофе) Трюгвасоне», конунг Олав (будущий Креститель Норвегии и Святой мученик, павший в бою за Веру), попавший в плен в язычникам-эстам, встречается у них своего дядю — Сигурда Эйриксона — приехавшего к эстам из Гольмгарда (Новгорода) как посланец Вальдемара-конунга (князя Владимира Красное Солнышко) для сбора податей (см. Мусин А. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб, 2005. — с. 204).

19. Именно в разгар битвы с эстонскими язычниками на месте, где впоследствии был основан Ревель-Таллин, в руки предводителю датских крестоносцев конунгу Вальдемару (далекому потомку князя Киевского Владимира Красное Солнышко и правнуку другого киевского князя-крестоносца — Владимира Мономаха!), по легенде, упал в руки прямо с неба первый Даннеброг — государственный флаг Дании с белым крестом на красном поле!

20. Древние германцы-готы с «острова Скандза (Готискандза)», осевшие в Прибалтике, именовали своих восточных соседей-финноугров эстами, или эстиями («восточными»), а их страну — Эстляндией (Эстланд — «Восточная страна»). Название «Эстония» является латинизированным названием «Эстляндии» — так же, как название «Ливония» — латинизированным вариантом названия Лифляндии-Ливляндии — «страны ливов (нем. Livland)». Кстати, племя ливов было, подобно эстам (в отличие от леттов-латышей, литовцев-летувисов и самбиев-пруссков), не балтского, а финно-угорского происхождения.

21. Вообще, лев является самой распространенной геральдической фигурой в странах Северной Европы. Именно львы украсили собой гербы Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Эстонии, Англии, Шотландии, Нормандии, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов. Да и древнерусский восстающий лев на щите Святого Феодора Стратилата из Ростовского евангелия 1321–1327 гг. (см.: Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. М., 2002. — с. 72) — золотой на красном (червленом) поле!

22. Лат.: *A furore normannorum libera nos Domine.*

23. Лат.: *Furor teutonicus.*

24. Кстати, многие норманны (например, варяги, служившие византийским василевсам-автократорам, англосаксонским королям или русским князьям) принимали христианство еще до официального введения его в качестве государственной религии королями своих стран. Так, знаменитый викинг Лейф (Лейв) Эйрикссон, первооткрыватель Америки, будучи христианином, первым делом установил на земле «Винланда» Святой Животворящий Крест (подобно Христофору Колумбу, Эрнандо Кортесу, Франсиско Писарро и другим европейцам, вторично «открывшим» Америку через много столетий после норманнов). Да и в русских летописях подчеркивается, что «мнози бе варязи христиане». Именно мученическая гибель варяга, отказавшегося отдать своего сына киевским язычникам в жертву Перуну, была одной из причин, побудивших князя Владимира Святославича принять Святое Крещение самому и крестить всю Русь.

25. Датск.: *Fra kurerne bevare oss milde herre Gud.*

26. Именно «норманнами» продолжают именовать себя на своем языке прямые потомки средневековых норманнов — современные норвежцы (норвежск.: *nordmenn*), именовавшиеся в древнерусских летописях «нурмане» или «мурмане». От этого этнонима, кстати, происходит название средневековой русской шапочки «мурмолки» (искаженное «мурманка» — такие шапочки носили норманны-варяги, составлявшие немалый процент среди бояр, княжих дружинников-«гридей» и купцов древнерусских городов и диктовавшие горожанам свою моду), а также название нашего северного порта Мурман-Мурманска.

27. Или: Рурик (Рорик, Рерик), пришедший княжить в Новгород (Holmgard) с верной дружиной (древнениорвежск.: *тру вар*, или *тру варинг* — дружина варягов, то есть викингов, принесших своему князю-конунгу клятву-вар) и всем своим домом (древнениорвежск.: *sine hus* — сине хюс), то есть, «со всем своим домом (чадами и домочадцами)». Не знавший языка норманнов позднейший русский летописец-славянин принял «верную дружину» и «домочадцев» Рюрика за его братьев — Трувора и Синеуса, никогда в действительности не существовавших и никаких следов после себя не оставивших («Труворово городище» — бывший укрепленный лагерь не брата, а верной дружины Рюрика).

28. Старонорвежск.: *gaard* (в современном норвежском произносится как «гор»); ср. славянское «град» и русское «город».

29. Старонорвежск.: *Hell* (отсюда современное английское проклятие *go to hell!* буквально: отправляйся в преисподнюю!).

30. Макеев А., Бычков Р.В. Огненное Православие. М., 2004. — с. 70.

31. *Ibid.*, с. 70.

32. У англосаксов — «керлы» («сеорлы»); это понятие, в общем, совпадало с норманнским понятием «бонды» (*bondir*).

33. Частичка «тинг» сохранилась по сей день в названиях современных парламентов североευропейских стран. Так, парламент в Дании называется «фолькетинг» («народный тинг»), в Норвегии — «стортинг» (правильнее: «стуртинг», то есть «великий тинг»), в Исландии — «альтинг» («всеобщий тинг» — так, кстати, именовалось всеисландское

народное собрание еще в эпоху викингов, как нам известно из исландских саг). И только в Швеции парламент именуется на «немецкий» манер — «риксдаг» (что является прямым переводом-калькой немецкого слова «рейхстаг»).

34. Не случайно Вотан (Один) в музыкальной драме Рихарда Вагнера «Золото Рейна» (первой части его знаменитой тетралогии «Кольцо Нибелунга») поет: «Древко моего копья (то есть, фактически — Мировое Древо — Иггдрассиль — В.А.) хранит договоры» (Нем.: *Vertraege schuetzt meines Speeres Schaft*).

35. Согласно древним сказаниям, германцы сами подразделяли себя на три племенных союза (ирминонов, ингвеонов и истевонов), названных в честь троих легендарных прародителей, сыновей бога Тиу (Тюра) — Инго, Ирмина и Иска. Саксы относились к племенному союзу ирминонов (герминонов), поэтому их святилище было посвящено Ирмину. В этом святилище и стоял столп Ирмина — Ирминсуль — прообраз мирового древа, наподобие священного ясеня Иггдрассиль. В конце XIX века австро-немецкий ариософ и толкователь рун Г(в)идо фон Лист приложил немало усилий, выводя от ирминонов якобы существовавшее у древних германцев тайное священническое сословие «арманов» («арманеншафт»), существование которого уже тогда оспаривалось серьезными учеными.

36. Норманнский титул конунг (которому у континентальных германцев соответствовал титул конинг-кунинг, производный от слов кони-куни, то есть род, и кона-куна — родительница, то есть жена, женщина) первоначально обозначал старейшину рода (соответствовавшего славянскому князю). Но со временем родоплеменные вожди у северных людей стали именоваться герсирами (*hersir*), а титул конунг стал обозначать военного вождя-гёвдунга (*hoevdung*). От слова кунинг происходит современный немецкий титул кёниг (царь, король) и английский титул кинг с тем же значением, от древнорвежского титула конунг — современный датский, норвежский и шведский титул конг, конге (царь, король); от слов кона-куна — современные скандинавские слова кона, куна (жена) и квинне (женщина), а также английский титул «квин», «куин» (королева).

37. Согласно авторитетному мнению виднейшего отечественного скандинависта современности, безвременно ушедшего от нас Г.С. Лебедева (1943–2003), автора (изданного посмертно) капитального труда «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» (СПб, 2005), ярлы (родоплеменная знать) и карлы (бонды, то есть, свободные крестьяне) в эпоху викингов являлись абсолютно равноправными сословиями, несмотря на то, что ярлы, гордившиеся знатностью рода, как правило, возводили свое происхождение к асам-азам (богам «младшего поколения», пришедшим на Север Европы из Азии, в частности, из «Трои», или с Кавк-Аза), преимущественно — к Одину. При этом следует учитывать, что, по поверьям северных германцев, асы и боги «старшего поколения» — ваны, были смертны — в отличие от истинного Бога (Год, Гуд, Гюд — слово одинакового корня со словом Добро, Благо) — Творца Неба и Земли, видимым же всем и невидимым, которого они почитали под именем Христа (Криста, Кристра) или

Белого Христа (Льоса-Кристр, Вита-Кристр). Поэтому, когда викинг — герой исландской саги — говорит, после сожжения врагами его родового святилища с фигурками асов и ванов: «Я думаю, это вздор — верить в богов», он имеет в виду следующее: «Я думаю, вздор — верить в то, что асы являются бессмертными Богами — создателями мира».

38. Кстати, именно отсюда происходят навигационные термины «штирборт» (дословно: «рулевой борт») и «бакборт» (дословно: «борт за спиной»), то есть борт, к которому обращена спина («бак») кормчего.

39. Вообще-то слово «драккар» («драконы») является формой множественного числа от слова «дракон» (старонорвежское «драке», немецкое «драхе»), но традиционно употребляется в русском языке для обозначения ладьи викингов в единственном числе.

40. Иногда паруса ладей викингов были не алыми, а полосатыми (обычно — белыми с вертикальными красными полосами).

41. Согласно сохранившимся в Исландии и дошедшим до наших дней сборникам норманнских мифов и сказаний — стихотворной «Старшей Эдде» и прозаической «Младшей Эдде» скальда Снорри Стурлусона — «отцу богов и людей» (Альфатеру, Вальфатеру, Вальватеру) Одину (Вотану) служили два черных ворона — Гугин (Hugin, олицетворяющий силу интеллектуальной мысли) и Мунин (Munin, олицетворяющий силу памяти, то есть интеллектуальной рефлексии), к чьим голосам «Всеотец» постоянно прислушивался, выведывая от них все более глубокие тайны. Говоря словами самого Одина (в «Речах Гримнира» из «Старшей Эдды»):

Гугин и Мунин

Над миром все время

Летают без усталости...

В течение дня черные вороны Одина облетали весь подлунный мир, после чего, возвращались к престолу своего повелителя, садились ему на плечи и сообщали обо всем увиденном и услышанном за день. Любопытно, что континентальные германцы (в частности, немцы) даже после перехода в Христианство сохранили эти представления, хотя и перенесли их (включая двух воронов-информаторов) на историческую личность — римско-германского императора-крестоносца Фридриха I Барбароссу (а порой и на внучатого племянника Барбароссы — Фридриха II Гогенштауфена). Император Фридрих спит до поры-до времени беспробудным сном в некоем потаенном месте (чаще всего легенды помещают его в недра горы Киффгейзер в Тюрингии или вулкана Этна на

Сицилии) со своими верными рыцарями, а два его верных ворона выполняют функции воронов Одина. Получив от них весть о том, что в Иерусалиме процвела наконец увядшая смоковница, проклятая Спасителем за то, что не дала доброго плода, император пробудится, выйдет из недр горы, восстановит Римскую империю, сразится с Антихристом, освободит Святой град Иерусалим, повесит на процветшей смоковнице свой меч и щит и вручит Вселенскую державу, вместе с короной и скипетром Богу — своему Небесному Сеньору. Сходные легенды о Спящем Властелине существовали и у других народов (у французов — о Карле Великом, у британцев — о короле Артуре, у датчан — о Хольгере Датчанине, и т. д.)

41. Впрочем, судя по некоторым сведениям и иллюстрациям (см. напр. переведенную недавно на русский язык книгу французского автора Ива Коа «Викинги, короли морей», с. 47), викинги порой выступали и под знаменем с изображением черной «мертвой головы» на красном поле.

42. Струги — ладьи.

43. Червлёный (от крошечных пурпурных червячков-кошенили, дававших соответствующую краску и соперничавших с морской улиткой-багрянкой) означает алый, красный, багряный — обычный цвет, в который окрашивали свои щиты норманны, в том числе и варяги, давшие свое имя Руси. Недаром в «Слове о полку Игореве» говорится:

Дети бесовы кликами (кривыми саблями-клыками, или клычами — В.А.)
поля перегородили,

А храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

44. То есть воронами (в описываемое время князь Владимир Стольно-Киевский был еще не крещен и потому, как прямой потомок норманна Рюрика, пользовался традиционным языческим стягом с вороном Одина).

45. Таким образом, скорость ладьи викингов в VIII–X вв. в 1,5 раза превышала скорость каравеллы, на которой Христофор Колумб достиг берегов Винланда в XV веке!

46. Любовь норманнов к своим «морским коням» не уступала их любви к коням обычным, сухопутным. Они очень ценили лошадей и были отличными наездниками (что их прямые потомки продемонстрировали в битве при Гастингсе). Останки коней нередко находят в захоронениях знатных викингов.

47. В норманнском эпосе немецкому герою Зигфриду соответствовал Сигурд, убийца дракона Фафнира.

48. Для справки: в описываемое время имя короля, известного нам как «Людовик» или «Людвиг», произносилось (и писалось): «Хлодвиг» или «Хлуодвиг».

49. Нем.: Ludwigslied.

50. Мёд (нем.: Met) и пиво (сканд.: oel, англ.: ale, «эль», древнерусское «ол») были напитками, общими для всех северных народов, не знавших виноделия, вследствие сурового климата своих родных стран.

51. Сходную характеристику «Повесть временных лет» дает и отцу «конунга Вальдемара» — Владимира Святого — Святославу Киевскому, «идеальному викингу» из рода Рюриковичей, названному современным историософом Романом Багдасаровым берсерком, для которого без войны — не жизнь, а чисто поле — дом родной: «И легко ходил в походах, как пардус (гепард, пантера или леопард — В.А.), и много воевал. В походе же не возил с собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину, и, зажав на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие воины его».

52. Исландск.: Heimskringla.

53. Варяг — в скандинавских языках «варинг» (вэринг), по-гречески: «варанг» — воин, дающий клятву-присягу («вар») верно служить предводителю дружины, в которую вступает (конунгу, «морскому королю», древнерусскому князю, византийскому василевсу-самодержцу и проч.). См.: Шанский Н. И др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., «Просвещение», 1971.

54. В качестве примеров типичного морского похода викингов (vikingtog) можно привести походы киевских князей-варягов Аскольда (Гаскульда, Скульда) и Дира (Тира, Тюра) на Царьград (Константинополь), спасенный только бурей, разметавшей ладьи нападавших (в честь этого чудесного спасения Царьграда все православные Христиане доныне празднуют день Покрова Пресвятой Богородицы, оградившей столицу Христианской империи Своим Святым Покровом); походы на Царьград Олега-Гельги (и его военачальников-варягов Карла, Руала, Свена, Фарлафа, Вуефаства, Гуди и др., чьи подписи

— первые засвидетельствованные в истории подписи первых русских людей! — сохранились под заключенным с византийцами договором!) и Рюриковичей Игоря (Ингвара) и Святослава (и военачальников последнего — варягов Свенельда-Свангильда, Асмуда, Икмора и Свенкела); упомянутый выше поход на Корсунь (Херсонес) сына Святослава — Владимира Киевского — и пр.

55. Так, князь Владимир Красное Солнышко (эпитет будущего Крестителя и Просветителя Руси, уподоблявший его Самому Христу — Солнцу Правды!) помог благочестивым византийским василевсам Константину и Василию подавить мятеж Варды Фоки и усилил императорскую варяжскую (варангианскую) гвардию за счет шеститысячного русского «ограниченного контингента». Зять сына князя Владимира — Ярослава Мудрого («конунга Ярицлейва Вальдемарссона»), женатого на шведской королевне Ингигерде (Ирине) и обязанного властью своей нанятой в Швеции варяжской дружине (норвежск.: гирд, шведск.: грид, древнерусск.: гридь), и в особенности ее предводителю Эймунду — в дружине Ярослава служил даже слепой варяг Акун (Гакон)! — будущий король норвежский Гаральд Гардрада (Грозноволосый), известный также как Гаральд Суровый, много лет служил в варяжской гвардии благочестивых василевсов Византии, бился с арабами в Южной Италии и на Сицилии, принял Православие, после чего женился на дочери Ярослава — Елизавете — и сделал ее королевой Норвегии. В 1066 году конунг Гаральд Норвежский погиб в морском походе на Англию в битве близ города Йорка, потерпев поражение от короля англосаксов Гарольда Годвинсона (всего лишь несколько дней спустя после разгрома норвежцев под Йорком разбитого и павшего в сражении при Гастингсе с другим потомком викингов — Вильгельмом Нормандским). Гаральд Гардрада считается «последним викингом» в истории.

56. На первостепенное значение именно торговых путей в становлении государств говорили сами их названия — например, древнее название Норвегии (Норвегр — «северные пути») или нашей страны — Эстервегр («восточные пути»), лишь позднее, с возведением вдоль этих путей многочисленных торговых городов, измененное на Гардарики («страна городов»).

57. Потомков Карла Великого (Шарлеманя).

58. Начало образования «руси» в качестве особого элитного этно-социального слоя относится ко времени первых славяно-скандинавских контактов (конец VIII-начало IX вв.). Гипотеза В.А. Брима выводит социоэтноним русь из древнесеверного *drots* (по версии Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина — *rops*) через финское *ruotsi*.

59. Скрелингami (карапузами) рослые викинги именовали не только гренландских эскимосов, но, по своеобразной инерции мышления, также встреченных ими в Винландии (Винланде) североамериканских индейцев, наверняка отличавшихся куда более стройным телосложением.

60. Крик Э. Формирование человека.//Преодоление идеализма. Под редакцией В.Б. Авдеева и А.М. Иванова. М., 2004. — с. 98–99.

61. Мусин А. Ор. cit. — с. 22.

62. Крик Э. Формирование человека... — с. 99.

63. Именно этой секирой Святого Олава (Олафа, Олофа) по сей день грозит врагам Норвегии золотой коронованный лев на червленом щите норвежского государственного герба (кстати, щит такой формы именуется в геральдике норманнским или варяжским!). Сказанное об Олаве Святом в полной мере относится и к другому пламенному адепту Церкви Воинствующей — Крестителю Руси Святому Равноапостольному князю Владимиру Киевскому, пославшему своего дядю Добрыню и тысяцкого Путяту крестить упорно косневший в язычестве Новгород — согласно «Повести временных лет», Добрыня крестил новгородцев огнем, а Путята — мечом. Впрочем, это и не удивительно, учитывая происхождение князя Владимира от воинственного варяга Рюрика Ютландского!

64. Хотя дух дальних странствий продолжал владеть и христианскими владыками норманнов — достаточно вспомнить морские походы Рожера Сицилийского и Роберта Гвискара на арабов и византийцев. Или морской поход норвежского короля и скальда Сигурда Крестоносца в Святую землю для борьбы с врагами Святого Креста и поклонения святыням Иерусалима.